

ПРЕДИСЛОВИЕ ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА

Этот номер журнала «Религиоведческие исследования» посвящен проблемам изучения отечественного религиоведения советского периода (1920 – 1980-е годы). Этот период – один из самых сложных в истории научного изучения религии в нашем отечестве, когда оно переплеталось и с антирелигиозной политикой партии и государства, и со сложными духовными поисками, осуществлявшимися вопреки этой политике, и с мужественным исповеданием религиозной веры. Оно редко бывало академически нейтральным, и само стремление к нейтральности уже требовало от ученого мужества и неординарной рефлексивности. Перед исследователем, пытающимся разобраться в этих переплетениях и перипетиях, неизбежно возникают вопросы: как это сказалось на полученных научных результатах? Как различить в этих результатах науку и идеологию? Какие модели истории науки наиболее применимы к этому материалу? Можно ли считать эти исследования нормальной наукой? А если ставить вопрос радикально – наукой вообще? Существовало ли в Советском Союзе религиоведение в качестве научной дисциплины – или мы можем говорить только об отдельных исследованиях, в большей или меньшей степени удовлетворяющих критериям научности? А может быть, напротив, существовала мощная научная школа (или даже школы), созданная выдающимися учеными вопреки репрессиям и политическому и идеологическому давлению?

Все эти вопросы не являются исключительно отвлеченно-познавательными. Их жизненные истоки затрагивают само существование современных ученых-религиоведов, и, что не менее важно, – не только их. Живые нити преемственности, научного (а порой и семейного) предания до сих пор связывают современных религиоведов с представителями «научного атеизма» – как уже ушедшими, так и до сих пор сохраняющими научную активность. С другой стороны, риторика научного атеизма легко заимствуется (причем не только структурно, но и буквально) даже теми исследователями и деятелями, которые, казалось бы, дальше всего от него отстоят – например, конфессиональными «борцами с сектант-

ством». Сохраняющие свою действенность политические мотивы таких заимствований очевидны, однако, не осмыслены достаточно глубоко в их взаимосвязи с идеологическими предпосылками и научными исследованиями того времени.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что любое исследование, осуществляемое в этом направлении, затрагивает (и иногда очень больно) другую категорию лиц – тех верующих, которые таким же живым преданием связаны с теми, кто пострадал за свою веру в советские времена. Как бы ни относились к этому отдельные авторы, «воинствующее безбожие» 20-х – 30-х годов и «научный атеизм» 50-х – 80-х в целом служили обоснованием и оправданием сталинских репрессий, хрущевских гонений, ограничений и sporadических преследований эпохи «застоя». Тот факт, что исследователи религии и религиозные люди оказались в советскую эпоху «по разные стороны баррикад», причем одни в положении гонителей, а другие – гонимых, трудно принять и осмыслить, однако такое осмысление, как значимый фактор постсоветской политики памяти, кажется неизбежным, а научные исследования, развеивающие мифы и штампы и вскрывающие подлинные проблемы, – необходимая составляющая этого осмысления.

Исследовательские вопросы, вытекающие из этой проблематики, можно множить. Можно ли свести религиоведение советской эпохи к «научному атеизму»? Чем являлся «научный атеизм»: идеологическим конструктом, исследовательской программой, предметом преподавания, элементом мировоззрения? Каково его место в развитии мировой науки о религии? Каково было его реальное политическое, общественное и культурное влияние в советские времена? Как изучались различные религии за пределами не только «научного атеизма», но и религиоведения в строгом смысле слова? Как особенности научного атеизма и советской эпохи в целом влияют не только на современное изучение религии, но и на современное религиозное сознание?

Заявляя эти вопросы, редколлегия не предполагает, разумеется, что в одном номере журнала могут быть получены основательные и исчерпывающие ответы. Вместе с тем, мы думаем, что материалы этого номера помогут продвинуться в их постановке и решении.

Первой мы помещаем статью Т.А. Фолиевой, посвященную роли представителей идейно-научного крыла Союза воинствующих безбожников, прежде всего, его теоретика А.Т. Лукачевского, в создании системы так называемых «антирелигиозных кружков» – первой ступени выстраиваемой в довоенный период системы атеистического образования и воспитания. Как соединялись в этом эксперименте идеология, наука и педагогика, насколько он был успешен, оказал ли он влияние на послевоенный период – вопросы, которые ставит и пытается решить автор.

Как это ни покажется странным, ни «воинствующее безбожие», ни «научный атеизм» не были абсолютно герметичными в идейном смысле образованиями. Более того, именно период 20-х – начала 30-х годов парадоксальным образом стал периодом активной рецепции немарксистских, зачастую «буржуазных», «идейно чуждых» направлений, активной переводческой деятельности, введшей в научный оборот отечественных ученых ряд классических текстов и направлений мысли: классического эволюционизма («Первобытная культура» Э. Тайлора), психоанализа, концепции «пралогического мышления» Л. Леви-Брюля и др. Именно дискуссии вокруг последней посвящена публикуемая второй в этом номере статья Д.С. Дамте. Вынося за скобки вопрос об идеолого-политических аспектах этой дискуссии, автор показывает другую сторону становления отечественной науки о религии, в частности, психологии религии – попытки творчески мыслящих ученых дополнить марксистский социологизм теми или иными психологическими концепциями. Относительная неудача и вместе с тем сохраняющееся в дальнейшем подспудное влияние этих попыток – важный для понимания целого аспекта становления религиоведения в СССР.

Статья диакона С. Кульпинова посвящена несколько неожиданной и кажущейся маргинальной теме: проблеме изучения религии в тех отпавших от Московской патриархии церковных структурах, которые получили собирательное название «обновленчество». Несмотря на то, что попытки преподавания истории религии или фиксации текущей религиозной ситуации предпринимались «обновленцами» главным образом в прагматических целях, они, несомненно, пред-

ставляют интерес как с точки зрения изучения истории межрелигиозных отношений в довоенном СССР, так и в качестве, пусть и очень ограниченных, опытов реализации немарксистского подхода.

Следующая статья посвящена позднесоветскому периоду. М.В. Колмакова затрагивает чрезвычайно важный общеметодологический вопрос: она предлагает анализ формальных особенностей советских «атеистических» изданий: множественность наименований, тиражность, особенности библиографических описаний, своеобразная «анонимность» – которые необходимо учитывать при создании соответствующих баз данных, отборе источников и литературы для исследований, посвященных советской науке о религии.

В рубрике «Портрет ученого» читатели имеют возможность познакомиться с автором, чья научная биография отражает все особенности отечественного религиоведения XX века в его довоенном, послевоенном и даже в постсоветском изводе, включая действие репрессивного механизма, проблематичность отношений с верующими, попытки прямого влияния на политический курс, своеобразная «демонизация» и главное – непростой поиск религиоведческой предметности, нередуцируемой к пресловутому «классовому подходу» – А.И. Клибановым (1910–1994). В состав рубрики входят: обзорная статья К.М. Антонова, в которой автор сосредоточился на «сектантской» (или точнее, «антисектантской») теме в наследии ученого, и подготовленная К.М. Антоновым, Е.В. Воронцовой, Д.А. Ченцовой и В.В. Соловьевой публикация отрывка из «Религиоведческих этюдов» – неизданного при жизни теоретического сочинения Клибанова, писавшегося в 1980-е годы. Мы публикуем полностью наиболее заверченный самим автором «Этюд первый. О методологии изучения религиозного сознания», в котором характерным образом переплетаются философские, социологические и психологические темы, а стандартная теория формаций оживает при попытке соотнести ее с реалиями религиозной жизни, обремененный памятью советский религиовед продолжает сводить трудные счета со своим предметом.

К.М. Антонов